Российская история. 2013-2023

ISSN 0869--5687

URL - <http://russian-history.ru>

Все права защищены

Выпуск 2 Том . 2021

Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой мировой войны

Ульянова Любовь Владимировна

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Российская Федерация, Москва

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 07.05.2021

Ссылка для цитирования:

Ульянова Л. В. Политический сыск и русская армия накануне и в годы Первой мировой войны // Российская история. – 2021. – Выпуск 2 С. 200-206 .

URL: <https://russian-history.ru/s086956870014487-6-1/>. DOI: 10.31857/S086956870014487-6

¹ Монография В.В. Хутарева-Гарнишевского представляет собой обширное фундаментальное исследование истории российского политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, вплоть до Февральской революции. Автору удалось собрать и проанализировать разнообразный архивный материал, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот, и осветить как институциональное положение политической полиции в системе власти, так и внутреннюю эволюцию «охранительного» ведомства – то, какие преобразования и с какими целями осуществляли его руководители, какие угрозы они считали первоочередными и какими методами надеялись их устранить. В названии монографии хронологические рамки ограничены 1913–1917 гг., но в тексте, поясняя предысторию исследуемых сюжетов, автор не раз обращается к событиям

более раннего времени, захватывая не только начало 1910-х гг., но иногда (как, например, при анализе проектов преобразования сыска) и период, связанный с подавлением революции 1905 г. и деятельностью П.А. Столыпина. Всё это позволяет лучше понять, насколько руководство сыска и прежде всего Департамента полиции было подготовлено к борьбе с революционным движением.

² В книге рассмотрены действия полицейского начальства, направленные на усиление местных органов сыска и аналитических структур Департамента полиции в предвоенные годы. В частности, говорится о тщательной ревизии кадрового состава губернских жандармских управлений (ГЖУ) и охранных отделений, проведённой в начале 1910-х гг. (с. 154–155), о практике прикомандирования к Департаменту наиболее опытных «жандармских аналитиков», получавших повышенные оклады, и её свёртывании В.Ф. Джунковским (с. 177–179), о подготовке с 1913 г. ежегодных обзоров с анализом возможности повторения революционных выступлений 1905 г. (с. 170–171). Впервые в историографии раскрывается «превентивный» метод директора Департамента полиции С.П. Белецкого (с. 169–176), состоявший в проведении обысков у заподозренных лиц сразу же по получении первых сведений о них от секретной агентуры вместо длительного сбора улик для привлечения к дознаниям. По словам автора, «такой метод отбивал у многих революционно настроенных лиц, не состоящих в партиях или просто не имеющих твёрдых антиправительственных убеждений, желание продолжать деятельность» (с. 173–174). Впрочем, как отмечается в Заключении, подобная практика в своём развитии привела бы к неограниченному росту репрессий (с. 562).

³ Хутарев-Гарнишевский даёт целостную характеристику деятельности ключевых фигур политического сыска 1915–1916 гг. – Белецкого (с конца сентября 1915 г. до середины февраля 1916 г. являвшегося товарищем министра внутренних дел.) и Е.К. Климовича, занимавшего пост директора Департамента полиции с февраля по сентябрь 1916 г. Особое внимание уделяется представлениям о будущем революционном взрыве, сложившимся в МВД в те годы. В целом существовавшие тогда ожидания не оправдались: предполагалось, что события будут разворачиваться, как в 1905 г., но детонатором станет возвращение большого количества распропагандированных военнопленных и активность сотен тысяч дезертиров, причём эпицентром волнений окажется Москва («немецкие» погромы 1915 г., казалось, подтверждали эту гипотезу). В Департаменте полиции активно готовились к беспорядкам, которые признавались неизбежными, как и применение оружия при их подавлении (с. 429–452). Проводилась ревизия жандармских команд, разрабатывались планы распределения и вызова полицейских и военных нарядов, составлялись инструкции, регулировавшие действия полиции отдельно и совместно с войсками (с. 430–438). В 1916 г. происходила концентрация эвакуированных жандармских управлений в центральном промышленном районе, и особенно в Москве (с. 442). Пристально анализировалась динамика забастовочного движения (с. 404–409) и деятельности общественных организаций (с. 454–462). Различные структуры, по сути, «перетягивавшие друг у друга канат», пытались использовать ситуацию для собственного усиления: в Отдельном корпусе жандармов (ОКЖ) планировали создать конно-полицейскую стражу (с. 440–443), в охранных отделениях составляли записки о восстановлении районных

отделений (с. 443–447), в Департаменте полиции собирались открыть курсы переподготовки кадров (с. 449), военные во главе с командующим войсками Петроградского военного округа С.С. Хабаловым разработали к концу января 1917 г. проект «дислокации войск для совместных их действий с полицейскими частями», не сообщив о нём МВД (с. 439). При этом государственный аппарат империи даже в военное время проявлял крайнюю медлительность. Так, Положение о приёме в ОКЖ военного времени было готово только к весне 1916 г. (с. 213–224); целый год разрабатывался закон о временном генерал-губернаторстве (с. 232–236).

⁴ Автор монографии показывает взаимоотношения двух центральных инстанций политического сыска – Департамента полиции и ОКЖ – и их часто сменявшихся руководителей. При этом у читателя всё же остаются вопросы, не имеющие, видимо, однозначных ответов: в силу каких причин решающая роль в управлении полицейской частью принадлежала то товарищу министра внутренних дел и командиру Корпуса жандармов, то директору Департамента? Почему А.Д. Протопопов, возглавив МВД, стал главноначальствующим над ОКЖ, хотя ранее эти обязанности исполнял товарищ министра? Весьма обстоятельно изложена история создания секретной агентуры в армии в начале 1910-х гг., её упразднения в 1913 г. по инициативе товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского и постепенного воссоздания в 1915–1916 гг. Белецким и Климовичем. Особую ценность представляют количественные показатели – сколько и в каких именно частях появилось секретных сотрудников (с. 126–127).

⁵ Не менее подробно описывается и возникновение в начале 1910-х гг. контрразведывательных отделений (КРО) (с. 291–302). Тут Хутарев-Гарнишевский с явным сожалением констатирует, что Департамент полиции «проиграл борьбу за контрразведку» Военному министерству (с. 294–299). Но характерно, что практически одновременно МВД получило собственную секретную агентуру в войсках, а военное ведомство – укомплектованные жандармами КРО.

⁶ Исследуя взаимодействие сотрудников сыска с чинами Военного и Морского министерств, со штабами фронтов и командующими флотами, со Ставкой, автор опирается не только на существующую историографию контрразведки и воспоминания контрразведчиков, но и на новые источники, ранее не использовавшиеся историками (с. 366–375).

⁷ Привлекая архивный материал, Хутарев-Гарнишевский подробно рассказывает о противостоянии руководства МВД и Департамента полиции с начальником контрразведки Северного фронта Н.С. Батюшиным, который, возглавляя оперативно-следственную комиссию по расследованию деятельности столичных банкиров, шантажировал предпринимателей (им грозило обвинение в шпионаже) и брал взятки (с. 469–482). Более того, через председателя Совета министров Б.В. Штюрмера он добивался назначения своего помощника полковника А.С. Резанова (с. 473) директором Департамента полиции. Затем, не сумев одолеть Климовича, Резанов при активном участии известного махинатора И.Ф. Манасевича-Мануйлова подготовил проект создания Канцелярии по политическим вопросам. Ей предполагалось подчинить тыловые КРО и борьбу с революционерами, которые «объявлялись детищем иностранных разведок» (с.

474). Тем самым МВД фактически утратило бы контроль над розыском. В итоге накануне Февральской революции Батюшин, скомпрометированный жандармским расследованием, получил отставку, а во главе комиссии по борьбе со шпионажем оказался Белецкий (с. 526–529). Во многом это была победа Протопопова, лично объяснявшегося с Николаем II по данному делу, и, кстати, именно при Протопопове 7 октября 1916 г. Совет министров наконец-то одобрил Положение об усилении полиции, открывавшее дополнительно 40 тыс. полицейских вакансий в 50 губерниях (с. 529). При нём же по согласованию с морским ведомством началась организация контрразведки на флоте, намеченная Белецким ещё в 1915 г. (с. 522–525).

⁸ Разбираясь в интригах на самом верху, автор не упускает из виду и местный уровень политического сыска, включая территории, оккупированные в ходе войны на Кавказе (с. 224–256), в Галиции и на Буковине (с. 281–284). Он скрупулёзно выявляет фактическую укомплектованность различных жандармских структур, численность филёров и секретных сотрудников полиции и КРО (с. 193–212, 344–348, 428–429, 530–532). По наблюдениям автора, мобилизация жандармов настолько обескровила ОКЖ, что к осени 1916 г. не хватало людей для печатания секретной документации (с. 201), а к концу года начался «жандармский бунт», выразившийся в повальном бегстве на фронт (с. 488–491).

⁹ В то же время Хутарев-Гарнишевский не раз увлекается своими построениями, не всегда подтверждая их ссылками на документы. Порою он недостаточно критичен к свидетельствам мемуаристов и делает на их основании масштабные выводы.

¹⁰ Прежде всего это касается противоречивой оценки преобразований Джунковского, а также часто встречающихся упоминаний о «военном заговоре», «оппозиционных генералах» и т.п. Так, в заключении автор утверждает, что основной целью Джунковского на посту товарища министра внутренних дел «было ослабление Департамента полиции и вообще сыскных структур» (с. 554). Именно это якобы стояло за его «борьбой с провокацией» (с. 139), увольнением секретного агента Р.В. Малиновского, «сотрудника Белецкого и Виссарионова» (с. 138), ликвидацией Особого отдела – главного аналитического центра политического сыска с 1898 г., изъятием «процесса подготовки жандармерии из рук Белецкого и Департамента полиции» (с. 167–169), сокращением финансирования крупных охранных отделений (с. 183–185) и планами их упразднения (с. 152–156). Одновременно произошло «укрепление ОКЖ, который получил большую свободу действий» (с. 552). Данное наблюдение, кстати, не мешает Хутареву-Гарнишевскому писать о том, что Джунковский готовил чуть ли не «ликвидацию политической полиции как отрасли государственной службы», когда обсуждал в думской комиссии возможность освобождения ГЖУ от проведения дознаний (с. 164). Это будто бы «вообще лишало бы ОКЖ смысла существования», поскольку «жандармерия теряла свою основную функцию» (с. 162–165). А ведь в Департаменте полиции еще до 1905 г. жаловались на то, что дознания отвлекают жандармов от их главной задачи – собственно политического розыска. Да и ГЖУ были не единственной структурой корпуса.

¹¹ Вместе с тем Хутарев-Гарнишевский считает, что «осознанно или неосознанно Джунковский действовал под влиянием партии октябристов и лично А.И. Гучкова» (с. 190), поддерживавших «наиболее неоднозначные его преобразования, такие как отмена военной агентуры, снятие наблюдения с депутатов Госдумы, реформа полиции, увольнение Романа Малиновского» (с. 190). Однако задуманная Джунковским реорганизация полиции не состоялась как раз из-за сопротивления думской оппозиции. А прекращение слежки за думцами следовало бы обосновать не только ссылкой на воспоминания В.Н. Воейкова и А.И. Спиридовича (с. 138), но и более надёжными делопроизводственными документами.

¹² В ликвидации Джунковским «военной агентуры», т.е. удалении из армии секретных сотрудников сыска, по мнению автора, также была заинтересована «одна сила, глубоко посвящённая в проблемы военного и политического сыска — это группа руководящих членов партии “Союз 17 октября” во главе с её лидером Александром Гучковым» (с. 112). Но далее говорится о том, что октябристы требовали отмены циркуляра Военного министерства, пытавшегося создать собственную секретную агентуру в войсках (с. 112–121). О каких-либо заявлениях, касавшихся МВД и его подчинённых, при этом даже не упоминается. К сожалению, не подкреплены ссылками на источники и слова автора о том, что «в департаменте составлялись списки военных, находившихся в тесном контакте с Гучковым, за ним самим велось постоянное агентурное наблюдение» (с. 119), а Белецкий «пытался донести до Николая мысль о необходимости наблюдения за армией» (с. 108–109) и будто бы даже беседовал с императором об опасности военного переворота по образцу младотурецкого.

¹³ Между тем пространно цитируемые в книге циркуляры и записки полицейских чинов (с. 88–106) ясно указывают на то, что секретная агентура создавалась в частях прежде всего для наблюдения за революционными настроениями среди нижних чинов и за строгостью дисциплинарных порядков, а также за распространением социалистических идей в офицерских кругах. Особенно Департамент интересовало выявление бытовых и условий службы, порождающих недовольство солдат и т.п. (с. 121–127). Со своей стороны, Джунковский полагал, что подобное «привлечение нижних воинских чинов к сотрудничеству... противно самим основам воинской дисциплины» (с. 134), поскольку разрушает «тесные взаимоотношения между нижними чинами и офицерским составом», их «товарищескую спайку» (с. 133). Об этом он позднее писал и в своих воспоминаниях (с. 129).

¹⁴ Так или иначе, представленный в книге материал не позволяет утверждать, будто имевшаяся в армии секретная агентура использовалась для обнаружения контактов высшего офицерства с думскими деятелями и была упразднена из-за связей Джунковского с депутатами и «оппозиционными генералами». Тем не менее автор упорно ищет в полицейских делах следы если не «военного заговора», то хотя бы тесного общения либералов и генералов. При этом не обходится без явных натяжек. Так, «тёплые дружеские тона в переписке генерала Рузского с Родзянко» в 1915 г. доказывает ссылка на один лист архивного дела (с. 360), другой лист зафиксировал «частые контакты Гучкова со Ставкой» (с. 413), а «постоянная переписка» с Гучковым и М.В. Родзянко генерала П.П. Залесского,

состоявшего при начальнике штаба верховного главнокомандующего, отразилась на четырёх листах. Сложно назвать признаком повышенного внимания Департамента полиции к Гучкову филёрскую слежку, отчёт о которой за два года составил всего семь листов (с. 410). Существование переписки лидера октябристов с М.В. Алексеевым подтверждается лишь «по свидетельствам» и воспоминаниям В.Н. Воейкова (с. 415), но это не мешает утверждать, что «Гучков “обрабатывал”» Алексеева (с. 420). По словам автора, некие «материалы перлюстрации свидетельствуют о том, что высшее офицерство и генералитет видели в думской оппозиции, в первую очередь, в Гучкове, Родзянко, Коновалове и Милюкове, реальную политическую силу» (с. 409). Но больше об этих «материалах» ничего не сказано. Таким образом, остаётся лишь сообщение филёра о встрече Гучкова с исполняющим обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего В.И. Гурко в конце января 1917 г. (с. 420).

¹⁵ «Огромное значение», по мнению Хутарева-Гарнишевского, имели сведения, поступавшие с осени 1915 г. от сотрудника Заграничной агентуры «Пьера» (барона С.А. Штакельберга). Он передавал тревожные слухи о существовании в гвардии антиправительственных офицерских организаций: «Речь шла, по сути, о разветвлённом заговоре, точнее, минимум о двух антиправительственных группировках внутри армии: октябристско-прогрессистской и революционно-демократической» (с. 365). Однако в дальнейшем барону так и не удалось выйти на след «заговорщиков», более того, составленный им в апреле 1916 г. «секретный отчёт о революционном и оппозиционном течении в армии» вызвал недоумение у Климовича, отнюдь не симпатизировавшего «оппозиционерам», и уже в сентябре «Пьера» уволили (с. 360–365, 394–395, 423–427). Агент «Вебер» (Н.П. Селиванов), информировавший Департамент полиции о разговорах русских эмигрантов в Лондоне («в верхах партии С[оциалистов] Р[еволюционеров]»), также не сообщал никакой конкретики (с. 392–393). Вряд ли наличие «заговора» доказывает и отмеченный исследователем факт последующей службы у большевиков ряда высокопоставленных военных («Бонч-Бруевич, Потапов, Мочульский», с. 393–394).

¹⁶ Только запутывает читателя воспроизведение автором взаимоисключающих мемуарных рассказов о гвардейских кавалерийских полках, которые должны были толи совершить «дворцовый переворот», как писал генерал-майор П.А. Половцов, толи, если верить вел. кн. Александру Михайловичу, последнему директору Департамента полиции А.Т. Васильеву и Протопопову, напротив, защитить императора от заговорщиков (с. 417–419). Надуманным кажется и предположение, будто проект подчинения КРО Департаменту полиции составлялся для того, чтобы Белецкий мог «совершенно свободно расследовать имевшуюся информацию об офицерском заговоре под предлогом военного шпионажа» (с. 366). А намерение «вести особое наблюдение за теми офицерами, которые ведут крупную карточную игру, имеют долги или проводят время в обществе иностранцев и иностранок, в частности артисток» (с. 375), историк считает лишь формально связанным «с борьбой со шпионажем», ведь на самом деле «проведение в жизнь этой меры поставило бы военных и под полный политический контроль» (с. 374). Записка Климовича об общественных

организациях, направленная членам Совета министров, в штабы фронтов и в Ставку, оказывается «плохо прикрытым намёком генералам на осведомлённость политического сыска о характере их политических контактов» с Центральным военно-промышленным комитетом (с. 456). И даже предполагавшееся создание Канцелярии по политическим вопросам автор рассматривает в контексте воображаемой конспирации, а не реального межведомственного соперничества: «Учитывая сформировавшееся в руководстве политического сыска убеждение в наличии военного заговора или, по меньшей мере, военной оппозиции, отдавать в руки военной контрразведки внутреннюю безопасность режима представлялось крайне опасным» (с. 475). Но в итоге вывод исследователя о том, что к моменту Февральской революции до предела обострились отношения сыска с «оппозиционными генералами» (с. 533), выглядит неубедительно.

¹⁷ В книге есть и другие, не менее спорные утверждения. Так, на основе изданных в Москве в 1958 г. воспоминаний М.Д. Бонч-Бруевича «Вся власть Советам», историк пишет о том, как вел. кн. Николай Николаевич, будучи верховным главнокомандующим, поручил генералу-мемуаристу «раскрыть немецкую агентурную сеть в Прибалтике, найти её связи с Царским Селом и Петроградом, по возможности доказать связь с германской разведкой великого князя Кирилла Владимировича», дабы отстранить от «активной политической деятельности» и скомпрометировать «влиятельную ветвь потомков великого князя Владимира Александровича» (с. 333–336).

¹⁸ Заголовки структурных частей книги, к сожалению, не всегда удачны, поэтому часто можно только догадываться об их содержании. Так, в параграфе «Превентивная юстиция» речь идёт о разгроме революционных групп и обысках, проводившихся на основании данных, полученных от секретной агентуры, в параграфе «Поражение охранки» – об увольнении Джунковским начальника столичного охранного отделения М.Ф. фон-Котена и сокращении финансирования этого учреждения, в параграфе «Поражение генералов» – о восстановлении по инициативе Климовича секретной агентуры в тыловых частях и т.п. Не украшает исследование и использование таких выражений, как «маховик шпионских дел» (с. 324), «репрессивная политика контрразведок», «механизм репрессий» (с. 325), «репрессивная вакханалия» (с. 337), «шпиономания» (с. 308) и т.п.

¹⁹ Конечно, текст книги производит впечатление очень «неровного». При этом в нём переплетаются различные сюжетные линии, анализируется впечатляющее количество архивных документов. Достоинством исследования являются и два приложения, в которых приводятся ценные статистические данные. В целом монография В.В. Хутарева-Гарнишевского вносит весомый вклад в историографию политического сыска Российской империи.

Political investigation and the Russian army on the eve and during the First World War

Lyubov Ulianova

Lomonosov Moscow State University

Russian Federation, Moscow

Abstract

Keywords:

Date of publication: 07.05.2021

Citation link:

Ulianova L. Political investigation and the Russian army on the eve and during the First World War // Rossiiskaia istoriia. – 2021. – Issue 2 С. 200-206 . URL: <https://russian-history.ru/s086956870014487-6-1/>. DOI: 10.31857/S086956870014487-6

Код пользователя: 0; Дата выгрузки: 26.04.2023; URL - <http://russian-history.ru/s086956870014487-6-1/> Все права защищены.